

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 371.1((47)091)»19»
ББК 4403(2)6

ГСНТИ 03.23.55

Код ВАК 07.00.02; 12.00.01; 13.00.01

Ильченко Вера Никитична,

кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой права и методики его преподавания, декан факультета юриспруденции, Институт менеджмента и права, Уральский государственный педагогический университет; 620142, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 75; e-mail: vn_ilchenko@mail.ru

Печерин Андрей Владимирович,

научный сотрудник, кафедра церковно-исторических дисциплин, Екатеринбургская духовная семинария; аспирант, кафедра истории России, Институт гуманитарных наук и искусств, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620026, г. Екатеринбург, ул. Розы Люксембург, д. 57; e-mail: epds_arhiv@mail.ru

ДУХОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: религиозное образование; духовные учебные заведения; декрет об отделении церкви от государства; государственное образование; духовенство.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются правовые основания духовного образования в советском государстве с учетом политической конъюнктуры. Особое внимание обращено на декрет советской власти «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Приводятся аргументы, позволяющие сделать вывод о том, что цель советской власти состояла в разрушении системы религиозного воспитания и образования. Обозначены предлагавшиеся церковью проекты сохранения или включения духовных школ в систему государственного образования. Автор делает выводы о запретительном характере отношений между органами управления образования и церковью. Рассматриваются особенности получения богословского образования в 1920-е гг. на примере Ленинградского богословского института, а также деятельности нелегальных кружков по изучению основ христианства. Автор предлагает обратить особое внимание на проблему духовного образования в современной России, в том числе на проблему формирования новой образовательной парадигмы и ценностных приоритетов в образовании молодежи. В статье подчеркивается, что российское общество в соответствии с законом «Об образовании в Российской Федерации» должно получить возможность активного возвращения духовно-исторического, научного, религиозного и правового наследия.

Il'chenko Vera Nikitichna,

Candidate of History, Associate Professor, Head of Department of Law and Methods of its Teaching, Dean of Faculty of Law, Institute of Management and Law, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

Pecherin Andrey Vladimirovich,

Researcher, Department of Theological-Historical Disciplines, Ekaterinburg Theological Seminary; Post-graduate Student of Department of Russian History, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin. Ekaterinburg, Russia.

RELIGIOUS EDUCATION IN SOVIET RUSSIA: HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS

KEYWORDS: religious education; religious educational institutions; decree on disestablishment; public education; the clergy.

ABSTRACT. The article deals with the legal basis of religious education in the Soviet Union, taking into account the political situation. Particular attention is drawn to the Soviet government decree "On the Separation of Church and State and the School from the Church." The authors conclude that the purpose of the Soviet regime was the destruction of religious education. The authors point out the projects, which the church offered for conservation or inclusion of religious schools in the public education system. In addition, the authors describe the prohibitive nature of relations between the education authorities and the church. One of the problems of the article is the way of receiving theological education, especially in the 1920s on the example of the Leningrad Theological Institute, as well as the activities of illegal sections in which their members learned the foundations of Christianity. The authors propose to pay special attention to the issue of religious education in modern Russia, including the problem of formulating a new educational paradigm and value priorities in the education of young people. The article stresses that in accordance with the law "About education in the Russian Federation" the Russian society should have an opportunity go back of its spiritual-historical, scientific, religious and legal heritage.

Ситуация в Советской России в сфере религиозного образования (в духовных учебных заведениях и в государственной системе образования) была далека от общепринятой в мире практики [14, с. 6-7].

С декабря 1917 г. началась конфискация у церкви всех учебных заведений со

всем имуществом, землей, строениями и капиталами. Декрет 1918 г. фактически сводил на нет религиозное образование: «Школа отделяется от Церкви... Преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где препода-

ются общеобразовательные предметы, не допускается» [7]. Но при этом провозглашалась возможность «обучаться религии частным образом».

Новая власть видела цель не только в уничтожении как таковой духовной школы, но и в разрушении системы религиозного воспитания и образования вообще [3; 6; 4]. Духовенство пыталось сопротивляться происходящему. К вопросу организации религиозного образования священноначалие обращалось не один раз. Церковное руководство пыталось предпринять меры по сохранению духовных учебных заведений и материальному обеспечению возможности их работы. Предлагались проекты перевода духовных школ в разряд частных или же включения их в систему государственного образования. Но постановлением от 20 февраля 1918 г. епархиальным преосвященным предложено «всеми возможными способами выяснять православному населению особливую необходимость в настоящее время сохранить и поддержать духовную школу... призвать духовенство и мирян на помощь духовной школе» [1]. 16 декабря 1918 г. Патриарх и Св. Синод принимают постановление, которым оговаривалось, что несмотря на запрет преподавания Закона Божия духовенство не освобождается от обязанности научения детей и взрослых.

В ноябре 1919 г., исходя из потребностей времени, ставилась даже более сложная задача: «Крайне необходимо в спешном порядке разработать новую систему внешкольного воспитания детей в религиозно-нравственном духе. Старая система, при настоящих условиях, неприемлема... предоставленная сама себе паства берет на себя права учительства, пытаясь своими силами решать современные религиозно-церковные вопросы, что чревато большими последствиями» [1]. Новая система внешкольного религиозного воспитания и образования так и не появилась. Практически невозможным стало и проведение занятий в храмах и прицерковных помещениях. Такое занятие воспринималось как несанкционированное собрание верующих. Подозрения иногда вызывали даже спевки клиросных хоров, устраиваемые вне церковных строений.

Действия власти во исполнение декрета в части отделения школы от Церкви и запрещение преподавания Закона Божия явились предметом обсуждения и сопротивления клира и мирян. Протесты по поводу январского декрета переросли в волну неприятия последовавших за ним инструкций и мероприятий по приданию школе «светского характера».

Крестьянство на местах сопротивлялось отмене религиозного образования. Формы такого противодействия были различны – от запрещения детям ходить в школу до попыток решить проблему легальным путем. Позиция духовенства находила поддержку у школьных работников, у самих учащихся, которых декрет затрагивал самым непосредственным образом. При этом государство контролировало образовательную деятельность школ, и в случаях фиксирования религиозных проявлений в ней незамедлительно наказывало виновных. Например, в Шаблинском сельсовете Каменского уезда Екатеринбургской губернии в сельских школах учителя систематически водили учеников в церковь, в Катайской и Лобановской волостях этого же уезда в школах велось преподавание Закона божия. Узнав об этом, местное уездное партийное руководство послало в сельсоветы инструктора, который проверил наличие подобных фактов. Рассмотрев вопрос на заседании бюро, Каменский уездный комитет указал на недопустимость подобных отступлений от советских законов и предложил органам народного образования издать циркуляр, запретивший учительству поддерживать связи с церковью [11].

Власть обратила особое внимание на систему духовного образования тогда, когда начала формировать «обновленческое движение». Так, 20 декабря 1923 г. с ходатайством об открытии Богословского института обратился глава обновленческой Ленинградской епархии «архиепископ» Николай Соболев. 10 января 1924 года плановое совещание Петроградского губернского отдела народного образования постановило: «Предложить организаторам Богословских курсов ограничить деятельность лишь подготовкой священнослужителей с обязательством для поступающих иметь удостоверение об окончании 2-й ступени трудовой школы. Вопрос о количестве лиц,готавливаемых этими курсами, согласовать с Административным управлением исполкома» [1, с. 166].

Ленинградский губотдел народного образования обязал институт проводить испытания поступающих по политграмоте. В помещении Института особая Комиссия от Губполитпросвета производила испытания по политграмоте; явилось двадцать человек (24-го м.) и девять человек (29), из коих двадцать (17+3) выдержали означенное испытание и на основании § 3 Устава Института зачислены в число слушателей Института», - говорилось в отчете о деятельности института за март 1924 г. Экзамены по политграмоте были введены без санкции Москвы, на что обратила

внимание 7 января 1925 г. АРК, которая постановила: «Поручить т. Тучкову указать Ленинграду на нецелесообразность введения в программу богословских школ поллитграмоты, а также экзаменов по сему предмету при вступлении на богословские курсы» [16, с. 62].

Руководил богословским образованием созданный в 1924 г. учебный комитет, в учебные программы Ленинградского богословского института включались курсы по теории и практике проповеди и диспута, строительства приходской жизни. Уже при вступительных экзаменах будущих пастырей нацеливали на всестороннее знание современной обстановки. Об этом говорит тематика их сочинений: «Задачи пастыря в современных условиях», «Нравственная правота социальной революции», «Значение Всероссийского Поместного собора Русской Православной Церкви 1923 г.» и др. В 1927 г. состоялся первый выпуск слушателей института.

Помимо задачи сохранения духовного образования, в условиях репрессий для Церкви было жизненно важно решить проблему подготовки новых кадров церковнослужителей, а следовательно, церковного образования [15; 8]. С первой половины 1920-х гг. Патриаршая Церковь в отличие от обновленцев не имела возможности легально давать своим членам начальное, среднее или высшее духовное образование. Разумеется, попытки продолжать дело церковного образования подпольно не прекращались. По всей стране при храмах во множестве возникали кружки, призванные дать детям и подросткам (а это каралось особенно строго) азы христианского воспитания. Порой организаторы кружков ставили перед собой более сложные задачи, чем преподавание Закона Божьего, и вели занятия по апологетике и Священному Писанию. Вокруг изучения Нового Завета строилась работа кружков Христианского студенческого движения, возникших в России перед Первой мировой войной под влиянием христианских студенческих кружков в Германии.

Существовали в церковном подполье и высшие учебные заведения. Довольно подробно сейчас можно говорить о нелегальном учебном заведении, стремившемся продолжить традиции Московской Духовной академии и действовавшем в Москве с осени 1919 г. [5, с. 115]. Академия работала не только во второй половине 1920-х гг., но, по крайней мере, до начала 1933 г., когда один из священников Сергиевского храма на Большой Дмитровке, где в то время находилась петровская община, подал в ОГПУ сведения о действующей при храме «нелегальной академии». В конце марта были арестованы не-

сколько членов общины, в том числе иеродиак Феодор (Богоявленский), который фигурировал в деле как студент академии. В действительности в 1933 г. тайная академия не была уничтожена, еп. Варфоломей и отдельные преподаватели (например, о. Иоанн Смирнов) оставались на свободе. Это позволяет сделать вывод о том, что академия продолжала действовать, по крайней мере, в 1933 и 1934 гг., до ареста еп. Варфоломея в феврале 1935 г. [2, с. 45].

По воспоминаниям прихожан Высоко-Петровского монастыря, для студентов академии устраивались экскурсии в Третьяковскую галерею, куда они ходили маленькими группами по 2-3 человека. Лекции читались обычно в подсобных помещениях храмов (в подвалах, на колокольнях). Не ясно, насколько эффективна была работа тайной академии. Большинство из ее учеников, вероятно, были уничтожены. Лишь немногие из них, как еп. Вениамин (Миллов), смогли найти применение своим знаниям в послевоенные годы. Подпольная академия существовала в течение 15 лет, продолжая традиции дореволюционного духовного образования.

В начале 50-х годов в 8 семинариях и 2 духовных академиях обучалось 730 студентов. Священнослужителей не хватало, и правящие архиереи были вынуждены рукополагать благочестивых мирян без духовного образования. Чтобы преподавать таким священнослужителям хотя бы основные богословские знания, в некоторых епархиях устраивались краткосрочные, чаще всего месячные, пастырские курсы, по окончании которых проводились проверочные испытания. Епархиальные архиереи при поддержке Патриарха стали подавать прошения об открытии семинарий (в Черновцах, Краснодаре, Львове, Ростове-на-Дону, Ярославле, Смоленске, Таллине). В 1954 г. появлялись ходатайства об открытии краткосрочных пастырских курсов, а также одномесечных курсов летом в семинариях для повышения квалификации приходского духовенства. На последнюю просьбу инспекторский отдел Совета, отдавая это дело на усмотрение Патриархии, ответил, что нельзя курсы делать постоянным явлением, так как они не соответствуют Уставу Русской Церкви.

В середине 1950-х гг. был увеличен прием во всех 8 духовных семинариях. К 1958 г. они достигли пика своего развития за все послевоенное время. Но с этого времени государство начало прилагать усилия к тому, чтобы сократить количество учащихся духовных школ [13, с. 598].

В 1959 г. Совет уполномоченных по делам религии направил в ЦК следующие

предложения, касающиеся духовных учебных заведений: не разрешать духовным учебным заведениям делать набор в академии и семинарии в течение всего учебного года; не принимать в духовные учебные заведения лиц, имеющих специальное среднее или высшее образование, что отвлекает известную часть людей квалифицированного труда из материальной сферы производства, являющегося основой существования всякого общественного строя; рекомендовать Московской патриархии ликвидировать заочный сектор в Ленинградской духовной академии; слить небольшие семинарии, не допускать материальных излишеств в содержании духовных учебных заведений. Кроме того, Совет добился согласия Патриархии на установление следующего правила: управляющий епархией должен утверждать характеристику на тех граждан, которые выразили желание поступать в духовное учебное заведение. С юношами, подавшими прошения в семинарии о приеме на учебу, встречались местные уполномоченные, партийные и комсомольские деятели, работники КГБ и военкомата и различными способами, вплоть до отбирания паспортов, удерживали их от поступления. Кроме того, оказывалось давление на приходских священников, дававших рекомендации абитуриентам. Поступающих часто брали на срочные военные сборы на период сдачи вступительных экзаменов. Иногда уже принятым абитуриентам отказывали в прописке. С 1959 г. отсрочка от призыва в армию перестала даваться даже учащимся выпускных курсов, в семинарии стали приниматься только отбывшие воинскую службу. Время подачи заявлений абитуриентам было ограничено 1 августа. За месяц, остававшийся до вступительных экзаменов, списки их пересылались в Совет по делам РПЦ, а оттуда заинтересованным уполномоченным на места для работы с юношами. Особые усилия направлялись на то, чтобы не допустить в духовные учебные заведения лиц с высшим образованием. В результате принятых мер количество учащихся духовных школ уменьшилось [10, с. 89-90].

Таким образом, была подготовлена почва для ликвидации духовных учебных заведений, сокращения «воспроизводства» кадров духовенства. 17 июля 1959 г. под нажимом Совета учебный комитет Патриархии принял решение о постепенном закрытии единственного существовавшего заочного сектора Ленинградских Духовных школ. Архиереям не рекомендовалось делать взносы на содержание конкретных Академий и семинарий. 4 мая 1960 г. Патриарх был вынужден согласиться с пред-

ложением В. А. Куроедова закрыть Киевскую, Саратовскую и Ставропольскую духовные семинарии. На ликвидацию же Минской и Волынской не было получено согласия руководства Патриархии, и они прекратили свое существование исключительно в результате принятых административных мер [12, с. 301].

В конце 50-х гг. новые гонения на Церковь разрушили возрождавшуюся систему духовного образования. В 1959 г. был ограничен прием абитуриентов в духовные семинарии и академии. Молодых людей, подавших прошения о принятии в духовные школы, вызывали через военкоматы для беседы с уполномоченными Совета, их не просто пытались переубедить, им угрожали, срочно отправляли на военные сборы на время вступительных экзаменов, комсомольские организации устраивали судилища и разборы, шантажировали и запугивали священников, давших рекомендации абитуриентам.

Контролирующие Церковь инстанции беззастенчиво вмешивались и в процесс обучения в духовных школах. Например, член Совета Сивенков в докладной записке Карпову писал о недопустимости в кандидатских сочинениях на нравственные темы развивать мысль о долге родителей давать детям религиозное воспитание: «Эти сочинения являются прямым нарушением ленинского декрета об отделении Церкви от государства и школы от Церкви». Совет практиковал выдворение воспитанников из семинарии из-за бывшего членства в КПСС или комсомоле, за первоначальное обучение в советском институте, исполнение в прошлом должности завклубом в сельсовете и т. д. [13, с. 601].

Уцелевшие духовные школы оказались под жестким государственным контролем. В данный период запрещалось издавать учебные пособия, преподавать общеобразовательные дисциплины (психологию, логику, историю философии, историю литературы), необходимые для усвоения богословия. Краткосрочные пастырские курсы, частично выполнявшие эту задачу в 1940-1950-е гг., также были окончательно запрещены. К осени 1964 г. количество учащихся духовных школ по сравнению с 1958 г. сократилось более чем вдвое [10, с. 114]. В результате с каждым годом все острее в церкви ощущалась нехватка священнослужителей. Умирали последние представители дореволюционного духовенства. Архиереи вынуждены были рукополагать лиц не только без духовного образования, но часто просто малограмотных. В эти годы сократилось число епископов

РПЦ, многими епархиями стали управлять архиереи, занимавшие соседние кафедры.

В результате проведения массовых антицерковных мероприятий РПЦ в пери-

од с 1959 по 1964 гг. потеряла около двух третей своего организационного состава и было нарушено «воспроизводство» кадров духовенства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алленов А. Н. Власть и церковь в русской провинции в 1917-1927 гг.: на материалах Тамбовской губернии : дис.... канд. ист. наук. М., 2005.
2. Беглов А. Л. Церковное подполье 1920-1940-х гг. в СССР в контексте государственно-церковных отношений : дис.... канд. ист. наук. М., 2005.
3. Бенин В. Л. О религиозной культуре и светской этике // Образование и наука. 2011. № 1. С. 76-89.
4. Гераскин Ю. В., Михайловский А. Ю. Проблема периодизации истории отношений советского государства и русской православной церкви // Вестник Томского гос. ун-та. 2010. № 3. С. 23-31.
5. Ершова М. А. Антропологическая проблематика в философском творчестве преподавателей русских духовных академий начала XX века // Образование и наука. 2014. № 9. С. 113-121.
6. Золотых Н. В., Остроумова Е. Н. Психолого-педагогическое сопровождение профессионально-личностного становления // Образование и наука. 2011 № 5. С. 83-97.
7. Ильченко В. Н. Декрет об отделении церкви от государства (историко-юридический аспект) // История православия на Урале. Екатеринбург : епархия Русской Православной церкви, 2005.
8. Кашеваров А. Н. Государство и церковь. Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской православной церкви. 1917-1945 гг. СПб., 1995.
9. Королькова И. В. Взаимодействие Православной церкви и государственной системы образования в России: история и современность // Образование и наука. 2010. № 8. С. 113-119.
10. Маслова И. И. Эволюция вероисповедной политики советского государства и деятельности Русской Православной церкви: 1953-1991 гг. : дис.... д-ра наук. М., 2006.
11. Попов М. В., Воробьева А. Л. Культура, быт и мировоззрение крестьян Урала в 1920-е гг. : монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2008.
12. Проспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995.
13. Протоирей Владислав Цыпин. История русской православной церкви: Синодальный и новейший периоды. М. : Сретенск. монастырь, 2007.
14. Семашко А. Г Развитие законодательства о духовных образовательных заведениях: российский и зарубежный опыт // История государства и права. 2008. № 5.
15. Тюрина Л. В. Государство и Русская православная церковь: эволюция отношений. 1917-2000 гг. Курск, 2000.
16. Шестаков С. П. Расколы в Русской Православной Церкви 1924-1926 гг. в контексте государственно-церковных отношений : дис.... канд. ист. наук. М., 2006.

REFERENCES

1. Allenov A. N. Vlast' i tserkov' v russkoy provintsii v 1917-1927 gg.: na materialakh Tambovskoy gubernii : dis.... kand. ist. nauk. M., 2005.
2. Beglov A. L. Tserkovnoe podpol'e 1920-1940-kh gg. v SSSR v kontekste gosudarstvenno-tserkovnykh otnosheniy : dis.... kand. ist. nauk. M., 2005.
3. Benin V. L. O religioznoy kul'ture i svetskoy etike // Obrazovanie i nauka. 2011. № 1. S. 76-89.
4. Geras'kin Yu. V., Mikhaylovskiy A. Yu. Problema periodizatsii istorii otnosheniy sovetskogo gosudarstva i russkoy pravoslavnoy tserkvi // Vestnik Tomskogo gos. un-ta. 2010. № 3. S. 23-31.
5. Ershova M. A. Antropologicheskaya problematika v filosofskom tvorchestve prepodavateley rus-skikh dukhovnykh akademiyn nachala XX veka // Obrazovanie i nauka. 2014. № 9. S. 113-121.
6. Zolotikh N. V., Ostroumova E. N. Psikhologo-pedagogicheskoe soprovozh-denie professional'no-lichnostnogo stanovleniya // Obrazovanie i nauka. 2011 № 5. S. 83-97.
7. Il'chenko V. N. Dekret ob otdelenii tserkvi ot gosudarstva (istoriko-yuridicheskiy aspekt) // Istoriya pravoslavniya na Urale. Ekaterinburg : eparkhiya Russkoy Pravoslavnoy tserkvi, 2005.
8. Kashevarov A. N. Gosudarstvo i tserkov'. Iz istorii vzaimootnosheniy Sovetskoy vlasti i Russkoy pravoslavnoy tserkvi. 1917-1945 gg. SPb., 1995.
9. Korol'kova I. V. Vzaimodeystvie Pravoslavnoy tserkvi i gosudarstvennoy sistemy obrazovaniya v Rossii: istoriya i sovremennost' // Obrazovanie i nauka. 2010. № 8. S. 113-119.
10. Maslova I. I. Evolyutsiya veroispovednoy politiki sovetskogo gosudarstva i deyatel'nosti Russkoy Pravoslavnoy tserkvi: 1953-1991 gg. : dis.... d-ra nauk. M., 2006.
11. Popov M. V., Vorob'eva A. L. Kul'tura, byt i mirovozzrenie krest'yan Urala v 1920-e g. : monografiya / Ural. gos. ped. un-t. Ekaterinburg, 2008.
12. Prospelovskiy D. V. Russkaya pravoslavnaya tserkov' v KhKh veke. M., 1995.
13. Protoirey Vladislav Tsy-pin. Istoriya russkoy pravoslavnoy tserkvi: Sinoidal'nyy i noveyshiy periody. M. : Sretensk. monastyr', 2007.
14. Semashko A. G Razvitie zakonodatel'stva o dukhovnykh obrazovatel'nykh zavedeniyakh: rossiyskiy i zarubezhnyy opyt // Istoriya gosudarstva i prava. 2008. № 5.
15. Tyurina L. V. Gosudarstvo i Russkaya pravoslavnaya tserkov': evolyutsiya otnosheniy. 1917-2000 gg. Kursk, 2000.
16. Shestakov S. P. Raskoly v Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi 1924-1926 gg. v kontekste gosudarstvenno-tserkovnykh otnosheniy : dis.... kand. ist. nauk. M., 2006.